

Американские сказки

Дэви Крокет

Лучший способ познакомиться с Дэви Крокетом – это выслушать его рассказ о себе самом.

– Я кто? Я горлопан! – говаривал Дэви.

Этим он хотел сказать, что может переспорить и перекричать любого живущего на фронтире, а крикунов и хвастунов там хватало, уж поверьте мне.

– Мой отец может побить любого в Кентукки, – заверял Дэви. – А я во всем обгоню родного отца. Могу бегать быстрее него. Нырять глубже и держаться под водой дольше. А из воды выйду сухим. Ну, кто еще может так на

Фронтир – в точном переводе "граница". В Америке так называлась еще неосвоенная полоса земли на запад от восточных штатов. По мере освоения и заселения этой земли "граница", то есть фронтир, отодвигался все дальше на запад.

всей Миссисипи? Могу пароход унести на плече. А хотите, обниму льва? Я вынослив, как вол, быстр, как лиса, увертлив, как угорь, могу кричать, как индеец, драться, как дьявол, а надо, так проглочу конгрессмена, если сперва смазать ему голову маслом и прижать уши.

Дэви еще скромничал, когда говорил все это. На самом же деле для него вообще не было ничего невозможного, вы скоро это и сами увидите.

Во времена Дэви, то есть что-то около 1825 года, всем, кто проживал на фронтире – в Кентукки, Теннесси или других штатах – и кому не хотелось сидеть голодными, приходилось охотиться. Охотником Дэви был метким, не было случая, чтобы он дал промах, а потому медвежатины и оленины у него всегда было вдоволь. Не брезговал он и енотом. Вот только свинцовых пуль и пороха ему не хватало, и Дэви научился брать енота без ружья.

Однажды Дэви загнал енота на дерево. Бедняжка глядел оттуда таким несчастным, что Дэви не выдержал и рассмеялся. Енот сидел на ветке и дрожал, а Дэви стоял внизу и улыбался. В конце концов енот был сражен его улыбкой и упал на землю. Так Дэви получил енота без единого выстрела.

После этого случая Дэви уж никогда не оставался без мяса. Если ночь выдавалась лунная, ему только надо было загнать енота на дерево и улыбаться. Он так поднаторел в этом, что даже пантера не выдерживала его улыбки и сама слезала с дерева.

Как-то Дэви повстречал в лесу еще одного охотника. Тот как раз прицелился в светлое пятнышко на фоне темных ветвей дерева.

– Стой! – крикнул Дэви. – Не трать зря порох! Сейчас я ему улыбнусь, и енот будет твой.

Дэви прислонился к стволу дерева, чтобы улыбка не повергла наземь его самого, и начал улыбаться. Но сколько он ни улыбался, результата не было никакого.

Второй охотник за живот держался: подумать только, сам великий Дэви Крокет зря похвастался!

Устав, Дэви воскликнул:

– Сроду не встречал такого стойкого и мужественного зверя!

И полез на дерево, чтобы понять, в чем тут секрет. Что ж оказалось? Взобравшись на дерево, он обнаружил, что улыбался сухому сучку, как две капли воды похожему на енота. Однако это его не утешило. Он считал, что ничто не должно устоять перед его улыбкой, даже сухое дерево.

К тому времени, когда слава Дэви Крокета облетела все леса, с ним произошла одна занятная история. В тот день любимый пес Дэви, по кличке Трещотка, загнал на дерево очередного енота, и Дэви уж было приготовился пустить в ход свою неотразимую улыбку, как вдруг енот поднимает правую лапу – мол, разреши слово сказать, Дэви. И спрашивает вежливо:

– Вас зовут Дэви Крокет?

– Попал в самую точку, – отвечает Дэви. – Я Дэви Крокет собственной персоной.

– В таком случае не беспокойтесь, – говорит енот. – Я и так слезу с дерева.

И енот тут же спустился с дерева.

Дэви стоял и с интересом разглядывал смешного зверька, который добровольно посчитал себя убитым. Он был польщен.

– В жизни не слышал лучшей похвалы! – просиял Дэви, глядя енота по спинке. – Пусть меня застрелят на месте, если я трону хоть волос на твоей голове!

– Благодарю вас, – прошептал енот. – С вашего позволения, я теперь пойду. Не подумайте, что я не поверил вашему слову, что вы! Просто – а вдруг вы передумаете?

В то утро, о котором пойдет речь, Дэви Крокет отлично позавтракал горячей колбасой из медвежатины с крокоди-лятиной. От этой колбасы Дэви почувствовал внутри у себя такой же жар, какой холод стоял в этот день снаружи, и потому решил сделать передышку и на охоту не ходить, а наведаться в гости к своему соседу по имени Дубовая Веточка. Дубовая Веточка жил всего в пятнадцати милях на север от Дэви.

Пока Дэви шел, становилось все холодней и холодней.

Наконец, он так замерз, что решил разжечь костер. Да вот беда: он забыл дома кремь и огниво, чтобы высечь огонь. Тогда он хватил кулаком по скале, и посыпались искры. Но в такой холод искры на лету замерзали. И Дэви поступил, как все звери в таких случаях: залез в пустое дупло, чтобы согреться. Но это ему только показалось, что дупло пустое. На самом же деле Дэви ждала там такая горячая встреча с дикой кошкой, что после нее он в два счета долетел до дома Дубовой Веточки и явился туда еще совсем тепленький.

К слову сказать, у Дубовой Веточки была сестра – чудо, а не девушка. Однажды она отправилась в лес, чтобы отнести брату обед, и вдруг заметила, что по пятам за ней идет медведь. Медведь был в нерешительности, с чего ему начать: с обеда или с девушки. Она помогла ему сделать выбор, бросив ему обед. И пока медведь возился с обедом, она обошла медведя со спины и села на него верхом. Потом похлопала его по шее: "Н-но, пошел!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Медведь очень удивился, потом испугался и побежал. Но девушка крепко держала его за загривок, и медведь, рванувшись, вылез из своей шкуры. Повезло сестренке! Нежданно–негаданно получила медвежью шкуру на шубку. Дэви Крокет клялся, что все это истинная правда, потому что сам видел у сестры своего соседа Дубовой Веточки новую медвежью шубу, когда пришел, наконец, в то утро к ним в гости.

А теперь про другого медведя, которого привела домой из леса дочка Дэви Крокета – Пайнет. Медведь этот до того привязался к ней, что всюду ходил за ней по пятам и стал совсем ручным. Таким ручным, что навсегда поселился в их доме. Больше всего он любил тихо сидеть в уголке или греться у пылающего очага.

Дэви научил медведя курить трубку. Они вместе коротали вечера, сидя у огня и попыхивая трубкой. Только лишь разговаривать не могли. Дэви так и не сумел выучить медведя ни единому слову. Но зато масло сбивать он его научил быстро.

В те времена сбивать масло была работа нелегкая.

Сподручнее было тому, у кого руки толще. А сами понимаете, какие лапищи были у медведя, так что тут нечему и удивляться. Сердце радовалось у каждого, кто видел, как медведь работает. Вы представляете себе маслобойку? Большая бочка, внутри которой ходит такая ручка, ее называют било, или мутовка. Жена Дэви Крокета заливала в эту бочку сливки, и медведь начинал работать билом – вверх–вниз, вверх–вниз, пока из сливок не сбивалось масло и не всплывало наверх. Медведь очень гордился этой своей работой. А Дэви гордился медведем, он утверждал, что никто во всем Теннесси не умеет сбивать масло лучше его медведя. Он мог сбить масло даже из бизоньего молока!

Словом, медведь этот много чему научился у людей и стал таким образованным, что заразился корью и умер. Жалко, конечно...

Дэви очень любил вводить всякие новшества. Однажды он придумал, как победить на выборах. Выборы что простуда, считал Дэви. У каждого бывает простуда, и каждый принимает участие в выборах.

В тот год от их штата в конгресс выдвигался какой–то прожженный мошенник. Но Дэви решил, что избранником народным должен быть не кто иной, как он, Дэви Крокет. Оставалось только победить на выборах.

Первым делом Дэви оседлал своего любимого крокодила и надел на него уздечку из кожи черной пантеры. И каждый раз, как кандидат от мошенников начинал произносить речь, Дэви давал шпоры крокодилу, пуская его в самую гущу избирателей.

Само собой, от предвыборной речи крокодилу делалось скучно, он клевал носом и начинал зевать. А когда он, зевая, разевал пасть, мошенник видел, сколько там зубов. Их было больше, много больше, чем голосов, которые он мог получить на выборах, это уж точно! Теперь понятно, почему он поспешил покинуть этот штат?

Так Дэви попал в конгресс.

Но больше всего на свете Дэви любил, когда гремит гром.

– Громкий, раскатистый, рокочущий, грохочущий удар грома – что может быть лучше? – говаривал Дэви. – Сердце и душа радуются, когда грохочет гром! Конечно, если это не сердце и душа труса. Хочется кричать и плакать от восторга или обнять всю вселенную!

Однажды сильная гроза застала Дэви в лесу. Завороженный великолепными ударами грома, Дэви так и застыл на месте, словно пригвожденный, и даже разинул рот от восторга. А как раз в это время мимо пролетала шаровая молния, и он ее нечаянно проглотил. Молния была такая горячая, что прожгла все его карманы и вызвала внутренний жар. После этого Дэви целый месяц мог есть сырую пищу: она сама доваривалась у него в животе от этого жара.

А потом настал такой лютый холод, что как–то утром замерз рассвет, и солнце так и не смогло взойти. Дэви вышел, чтобы посмотреть, что случилось. Стараясь согреться, он сделал небольшую пробежку, так миль в двадцать пять, и очутился на вершине горы. Там он наконец понял, в чем дело. Оказывается, замерз двигатель у машины, которая выпускает солнце в небо. И солнце застряло в колесе между двумя глыбами льда. Оно оттуда и сверкало, и сияло – словом, старалось вовсю, только чтобы вырваться на свободу. Но чем больше старалось, тем больше потело, а капельки пота замерзали и не пускали солнце на волю.

Тогда Дэви сбегал скорей домой, вернее, съехал. Бежать ему не пришлось, гора ведь обледенела, так что он сел и поехал. Дома он схватил кусок застывшего медвежьего жира и вернулся на вершину горы. Он засунул медвежий жир между колесами машины, где застряло солнце, солнце подогрело жир, жир закапал, куда надо, и смазал колеса. Дэви осталось только хлопнуть раз–другой по машине, прикрикнув:

– А ну пошла! За работу!

И ровно через пятнадцать секунд машина зафырчала, закрипела и заработала. Солнце оттаяло и отправилось светить. А Дэви поспешил домой готовить себе завтрак.

Он проявил такое проворство, что первым возвестил день, осветив всю округу солнечным лучиком, который нечаянно заглянул к нему в карман, когда Дэви растапливал медвежий жир.

У Дэви было любимое ружье. Все называли его "Смерть Дьяволу". Стрелял Дэви без промаха. Но вот однажды ему очень не повезло на охоте: никто не попался ему по дороге. Однако возвращаться домой с пустыми руками Дэви не захотел и решил провести ночь тут же в горах и попытать счастья на другое утро, авось кого–нибудь да подстрелит. Смерть Дьяволу он прислонил к дереву, а свой охотничий рог с порохом повесил на ветку.

Утром он вскинул Смерть Дьяволу на плечо и хотел снять с ветки свой охотничий рог, но ветка оказалась пуста. Дэви кинулся туда, сюда – нет рога, и все тут. Весь день искал, уже и ночь настала.

Над горой показался молодой месяц. И вот так штука – на самом кончике молодого месяца висел его охотничий рог! Должно быть, ночью, пока Дэви спал, молодой месяц, проплывая над его головой, нечаянно подцепил охотничий рог и снял с ветки. Дэви обрадовался – и скорее хватать свой рог. На этот раз ему повезло: он подстрелил трех медведей, двух рысей и одного кролика. Однако с того случая он больше никогда не вешал охотничий рог на сук дерева.

Дэви был очень доволен своим ружьем. На всех состязаниях по стрельбе он всегда выходил победителем. До того самого дня, пока не повстречался с Майком Финком. Но и тогда он уступил ему исключительно по благородству.

Майк Финк был гребцом на реке. Но когда работы у него не было – а это случалось всякий раз, когда ему того хотелось, – Майку приходилось подстреливать свой завтрак и обед в лесу.

Как–то Дэви Крокету случилось переночевать в хижине Майка, и наутро Майк ему доказал, что хвастун он почище самого Дэви.

– Моя жена первая красавица во всем Кентукки! – заявил Майк. – Красивей жены ни у кого нет. И мой конь

бегает быстрее всех! И ружье у меня самое меткое, ни у кого такого не сыщешь! Вот тут Дэви и взорвался:

– Про твою жену, Майк, ничего плохого я сказать не могу. Она красотка что надо. Что касается миссис Крокет, с ней я не сравниваю, она

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

живет в штате Теннесси, а не в Кентукки. Коня своего у меня нет...

Дэви не хотелось так прямо говорить, что насчет ружья – это Майк зря наврал, и все-таки он невольно поднял голос, когда позволил себе выразить свои сомнения. А потом предложил:

– Видишь, вон там, на верхней перекладине забора сидит кот ярдах1 в двухстах отсюда? Клянусь, придется ему с сегодняшнего дня отращивать новые усы!

И Дэви одним выстрелом сбрил у кота усы с правой стороны. Да так чисто, словно в руках у него была безопасная бритва, а не ружье.

Кот с удивлением стал озиаться по сторонам: ему показалось, что кто-то легонько пощекотал его по мордочке. И когда он отвернулся, Дэви вторым выстрелом сбрил ему усы и с левой стороны.

– Так что не хвастай про свое ружье, Майк, – заключил он.

Но Майк ничуть не смутился.

– Видишь свинью и поросят во-он на том выгоне? – спросил Майк у Дэви.

С этими словами он вскинул ружье, и кончика хвоста у свиньи как не бывало. А следом за ней Майк пересчитал хвостики и у всех поросят.

– А теперь посмотрим, как ты пристрелишь их обратно! – самодовольно заявил он.

– Это сделать невозможно, сам знаешь, – сказал Дэви. – Однако у одного поросенка хвостик остался "чуть подлинней, чем у других. Если бы я подравнивал им хвостики, я бы никогда не позволил себе такой небрежности.

Тут Дэви прицелился... Пли! – и выровнял у поросенка хвостик. Это распалило Майка окончательно. Он повернулся к дому и прицелился в свою красотку жену, которая как раз собралась идти к источнику за водой. Пуля Майка сняла полгребня у нее с головы, не задев ни волоска. После чего он приказал ей стоять на месте, чтобы Дэви попробовал сбить оставшуюся половину гребня.

Жена Майка уже привыкла к таким шуткам. Но Дэви отказался.

– Нет, Майк, – сказал он. – У меня будет дрожать рука, если мне придется целиться в женщину с расстояния ближе чем сто миль. Я сдаюсь!

То был единственный случай, когда Дэви Крокет кому-нибудь в чем-нибудь уступил или просчитался. Правда, однажды он просчитался с крокодилом: того почему-то не оказалось под рукой, когда соперник Дэви начал свою предвыборную речь. А раз не было крокодила, который бы зевал и показывал противнику зубы, Дэви проиграл на выборах и не попал в конгресс.

Но все равно самым великим хвастуном и горлопаном во всем Кентукки оставался всегда Дэви Крокет.

(Ярд – мера длины, 0,91 м.)